

А. И. Соболевский
Славяно-русская палеография

VII.

Орфография.

Славяне, пользовавшиеся кирилловскою азбукою, в своей письменности употребляли два языка: 1) церковно-славянский и 2) свой народный. Первый был языком богослужения и литературы; второй — языком деловым, языком грамот (документов) и законодательных памятников. Таким образом Русские, переводя с греческого какое-нибудь поучение или составляя какое-нибудь оригинальное житие, старались писать по-церковно-славянски; они же, в княжеской жалованной грамоте или в завещании частного лица, пользовались русским языком. Так же поступали Болгары к Сербы; только на место русского языка у Болгар являлся болгарский, у Сербов сербский язык. Само собою разумеется, были случаи появления литературных произведений (например, поучений) на народном языке, а грамот (когда они давались церквам и монастырям) на церковно-славянском языке; впрочем такие случаи немногочисленны.

Церковно-слав. язык.

Еще недавно ученые спорили о родине церковно-славянского языка. Теперь уже все как будто согласны, что этот язык — не что иное, как язык древних Славян-Болгар, занимавших в IX в. большую часть Балканского полуострова, между прочим в пределах нынешней Албании и нынешней Румынии. Как все языки, употреблявшиеся на значительной по пространству территории, он уже тогда делился на говоры, имевшие друг от друга некоторые сравнительно небольшие отличия. Уроженцы Солуны (или Салоник), славянские первоучители Кирилл и Мефодий сделали перевод книг св. писания и богослужебных на тот говор церковно-славянского языка, которым говорили жившие под Солуном (отчасти и в самом Солуне) Славяне. Их ученики и последователи, жившие в других местах тогдашней Болгарии, переводили на другие говоры церковно-славянского языка. Так, Иоанн Экзарх Болгарский и другие переводчики кружка болгарского царя Симеона (конец IX-го и начало X-го вв.) писали на говоре Славян восточной Болгарии.

Церковно-славянский язык был живым языком в Болгарии IX — X вв., т.е. не отличался ничем существенным от разговорного языка болгарского населения. Последний (как всякий язык) постепенно изменялся; его изменения отражались в написанных в Болгарии церковно-славянских текстах, но слабо; и вероятно, уже в XII в. церковно-славянский язык настолько отстал от народного языка Болгарии, что сделался как бы отличным от этого последнего языком; иначе говоря, он окаменел в своих особенностях и превратился в мертвый язык. В то время Греки пользовались, как литературным языком, — языком древне-греческим, уже почти непонятным для народа; народы западной Европы употребляли в письменности только мертвый и никому, кроме ученых, непонятный латинский язык; поэтому образование в Болгарии, в качестве литературного языка, — мертвого церковно-славянского языка не представляет ничего странного.

Воспользуемся данными древнейших церковно-славянских памятников и взглянем на главные особенности церковно-славянского языка и церковно-славянской орфографии.

Церковно-славянские памятники.

Древнейшие церковно-славянские памятники, писанные кириллицею, так малочисленны, что мы можем назвать их все. Это 1) Листки Ундольского, два листа из евангелия небольшого формата; 2) Саввина книга, неполное евангелие; 3) Листки Хиландарские, два листа из сборника Слов Кирилла Иерусалимского, и 4) Супрасльская рукопись, неполный сборник житий святых и поучений за март. К ним надо присоединить найденную недавно в Македонии надпись болгарского царя Самуила 993 года.

Наиболее важная особенность церковно-славянского языка — носовые гласные **ѣ**, и **ѧ**, являющиеся в ряде корней (в словах, напр., **мѣ**ка, **рѣ**ка, **сѣ**дѣ; **распѣ**ти, **начѣ**ти, **тажѣ**къ) и во многих окончаниях. Между прочим **ѣ** мы находим в окончаниях: винит, пад. ед. ч. слов женского рода: **водѣ** (от сущ. *вода*), **добрѣ** (от прилаг. *добр*); 1-го лица ед. ч. наст. врем.: **несѣ**, **берѣ**; 3-го лица мн. ч. наст. врем.: **несѣ**тъ, **берѣ**тъ; 3-го лица мн. ч. имперфекта: **несеахѣ**, **знаахѣ** (от *знати*), почти всех падежей причастий наст. вр.: **несѣ**щи (им. ед. жен. рода), **несѣ**ща (род. ед. муж. р.). Что до **ѧ**, то его мы видим в окончаниях: род. п. ед. ч., им. и вин. пад. мн.

ч. женск. рода: душа**▲**, земля**▲**; вин. п. мн. ч. муж. р.: врач**▲**, кон**▲**; им. и вин. п. ед. ч. средн. р.: им**▲**, сем**▲**; вин. п. ед. ч. местоимений: м**▲**, т**▲**, с**▲**; 3-го лица мн. р. настоящ. вр.: люб**▲**тъ; 3-го лица мн. ч. аориста: несош**▲**, знаш**▲**; им п. ед. ч. муж. и ср. родов одних и всех падежей других причастий настоящ. вр.: плач**▲**, глогол**▲**; служ**▲**, служ**▲**щи (им. пад. ед. женск. р.), служ**▲**ща (род. п. ед. муж. р.) и т.д.

Рядом с **ж**, находящимся во всех церковно-славянских памятниках, Саввина книга, Листки Хиландарские и Супрасльская рукопись имеют еще **ѣ** (йотированный юс большой), всего чаще в окончаниях: вин. пад. ед. ч. женск. р.: земля**ѣ**, мо**ѣ** (от местоим. *мой*); тв. п. ед. ч. женск. р.: водо**ѣ**, земле**ѣ**; 1-го лица ед. ч. наст. вр.: зна**ѣ**; 3-го лица мн. ч. наст. вр.: зна**ѣ**тъ; почти всех падежей причастий наст. вр.: зна**ѣ**щи (им. п. ед. ч. женск. р.). Впрочем в этих памятниках после *л, н, р* встречается не только **ѣ**, но и **ж**: люб**ж**, исплъ**ж** (=исполню), разор**ж** (=разорю) и т.п. Листки Ундольского и надпись царя Самуила этой буквы не употребляют; на ее месте в них **ж**.

Рядом с **▲** (который в Саввиной книге, Листках Хиландарских и Супрасльской рукописи не редко пишется в виде пересеченного треугольника; см. выше стр. 47, сним.) Супрасльская рукопись имеет еще **Ѧ** (йотированный юс малый), отчасти в корнях: **Ѧ**ти, чаще в окончаниях: род. п. ед. ч.: добръ**Ѧ** (от прилаг. *добр*), мо**Ѧ** (от местоим. *мой*); вин. п. мн. ч. муж. и жен. р.: добръ**Ѧ**, мо**Ѧ**; 3-го лица мн. ч. наст. вр.: сто**Ѧ**тъ; им. п. ед. ч. муж. и ср. р. одних и всех падежей других причастий наст. вр.: зна**Ѧ**, сто**Ѧ**, сто**Ѧ**щи (им. п. ед. ч. ж. р.), сто**Ѧ**ща (род. п. ед. ч. муж. р.).

Употребление юсов в церковно-славянском языке может быть названо правильным: **ж** является только там, где в русском языке слышится *у* или *ю*; **▲** — там, где в русском языке *а* или *я*; иначе говоря, ни **ж**-с нигде не заменяет собою **▲**-са, ни на оборот. Сверх того, оно вполне последовательно: где (в корне, в окончании) **ж**, там нет ни *у*, *ю*, ни другой какой гласной; где **▲**, там нет ни *а*, **Ѧ**, ни *е*, ни другой какой гласной; иначе говоря, форма 1-го лица ед. ч. всегда оканчивается на **ж**, **ѣ**; она не может оканчиваться на *у*, *ю*; форма род. п. ед. ч. женск. р. всегда оканчивается на **▲**, **Ѧ**; она не может оканчиваться на *а*, **Ѧ**.

Другая очень важная особенность церковно-славянского языка — **Ѣ**. Все церковно-славянские памятники употребляют букву **Ѣ**, более или менее иначе, чем употребляем ее мы, Русские. Листки Ундольского не знают буквы **Ѧ** и на ее месте имеют **Ѣ**: **Ѣ**ко (= яко), дь**Ѣ**воль (= дьявол), во**Ѣ** (= воля); рядом: с**Ѣ**сти, р**Ѣ**чь и т.п. Другие памятники знают обе буквы: и **Ѣ**, и **Ѧ**; в них (на месте нашего *я*) мы обыкновенно видим в начале слов и в середине слов после гласных — : ко, моа; но рядом, после *л, н, р*, — **Ѣ**: во**Ѣ**., зем**Ѣ** (им. п.), учител**Ѣ** (род.), клан**Ѣ**тис**▲**, мор**Ѣ** (род.), покар**Ѣ**тис**▲**; сверх того, **Ѣ**стоит после *б, в, п, м*, если отсутствует *л*: остав**Ѣ**ти (= оставляти), зем**Ѣ** (= земля) и т.п.; в форме **вьсѢ** (им. п. ед. ч. женск. р. и им.-вин. п. мн. ч. средн. р. от *вьсѣ*) и в местоимении **вьсѢ**къ (русское *всяк*). Все церковно-славянские памятники никогда не ставят **Ѣ**на месте *е* или на оборот.

Затем следует отметить употребление **ѣ** и **ѥ**. Эти буквы очень часто являются там, где мы, Русские, теперь или не слышим никакого звука, или слышим звуки *о, е*: м**ѣ**ногъ, к**ѣ**то, ч**ѣ**то, в**ѣ**се; с**ѣ**нъ (= сон, род. п. *сѣна*), п**ѣ**сѣкъ, л**ѣ**жъ (= ложь), д**ѣ**нь, в**ѣ**сь (= весь), кон**ѣ**ць. Церковно-славянские памятники употребляют **рѣ**, **рѥ**, **лѣ**, **ль** там, где мы слышим *ор, ер, ол*: тр**ѣ**гъ, тр**ѣ**гъ (= торг), вр**ѣ**хъ, вр**ѣ**хъ (= верх), мл**ѣ**ва (= молва). Кирилл и Мефодий отличали друг от друга **ѣ** и **ѥ** (вероятно, они ставили их так, как ставило большинство русских писцов XI и XII веков); но в дошедших до нас памятниках **ѣ** иногда ставится там, где мы ожидали бы **ѥ**, а **ѥ** — там, где мы ожидали бы **ѣ**: ч**ѣ**то (рядом: *чѣто*), ш**ѣ**дъ (= шедъ; рядом: *шѣдъ*), коз**ѣ**ль (= козел; рядом: *козѣль*), в**ѣ**з**ѣ**ти (рядом: *вѣзати*), с**ѣ** нимъ (рядом: *сѣ нимъ*). Листки Ундольского имеют лишь **ѣ** (**ѥ** нет совсем).

Затем следует обратить внимание на употребление **а** вместо в начале слов и в середине слов после гласных: а**а**года (рядом: *года*), мо**а** (им. п. женск. р.; рядом: *мо*), доб**а**ра (рядом: *добра*) и т. под.

Не излишне отметить в церковно-славянском языке еще:

1) отсутствие (иногда, без последовательности) **л** после *б, в, п, м* в таких словах, как ослаб**ѣ**нь (рядом: *ослабленъ*), вен**ѣ**ние (рядом: *вление*), где в русском языке **л** всегда находится на лицо; 2) употребление слогов *ра, ла, рѣ, лѣ* в таких словах, как градъ, глава, бр**ѣ**гъ, пл**ѣ**нь, шл**ѣ**мъ, там, где в русском языке слышатся слоги *оро, оло, ере, ело*: городъ, голова, берегъ, полонъ, шеломъ (находящиеся в

русском литературном языке *глава, плен, шлем* и др. заимствованы русским языком из церковно-славянского). 3) употребление *жд* (из *д*) и *щ* (из *т*) в таких словах, как *виждѣ* (корень *вид-*), *госпожда* (корень *господ-*), *хошѣ* (корень *хот-*), *свѣща* (корень *свет-*), где в русском языке слышатся *ж* и *ч*: *вижу, госпожа, хочу, свеча*.

Наконец можно упомянуть, что в церковно-славянском языке после *г, к, х*, во всех чисто-славянских словах (точнее: не в заимствованных из греческого языка), является *ы*: *кыснѣти, врагы, духы* (= совр. русск. *киснуть, враги, духи*), а после *ж, ч, ш, щ, ц* — *и* (а не *ы*) и *ю* (реже *у*): *жити, врачи, отъци; мѣжю* (дат.), *врачию, отъцю* и т. под.

Болгарский извод.

Хотя церковно-славянский язык сделался мертвым языком, все-таки, употребляясь в *Болгарии*, он постепенно принял в себя главные особенности живого болгарского языка XII и следующих столетий. Эти особенности проникли в него случайно, у одних писцов, менее грамотных и менее внимательных, в большем количестве, у других, более грамотных и внимательных, в меньшем количестве. Тем не менее они дали ему своеобразную окраску и превратили его из собственно-церковно-славянского языка в *церковно-славянский язык болгарского извода*, или в средне-болгарский язык, известный нам 1) из ряда болгарских памятников XII—XIV веков и 2) из ряда молдавских (точнее: румынских) памятников XV — XVII веков.

В начале XV века церковно-славянский язык болгарского извода был уже так далек от живого болгарского языка того времени, что сербский писатель и ученый Константин Философ (или Костенчский), Болгарин по происхождению, считает церковно-славянский язык русским. Славянские первоучители, говорит он, “эти добрые и дивные мужи”, переводя свящ. писание, избрали “тончайший и краснейший русский язык”, прибавив к нему “в помощь” языки болгарский, сербский, боснийский и “чешского часть”.

Самая важная особенность церковно-славянского языка болгарского извода — **ѣ** и **ѧ**. Они употребляются в тех случаях, где и в собственно-церковно-славянском языке, — но до известной степени смешиваются. Именно 1) **ѣ**-с может находиться на месте **ѧ**-са в начале слов, в середине слов после гласных, после *ж, ч, ш, щ, ц*: **ѧ**зыкѣ (при **ѧ**зыкѣ), *моеѣ* (род. п. ед. ч. женск. р.; при *моеѧ*), *служѣ* (причастие наст. врем.; при *служѧ*), *начѣти* (при *начѧти*), *несошѣ* (3 л. мн. ч. аориста; при *несошѧ*), *щѣдѣти* (= русск. *щадить*; при *щѧдѣти*), *овыѣ* (род. п. ед. ч.; при *овыѧ*) и т.п.; 2) **ѧ**-с может находиться на месте **ѣ** и **ѣ** в начале слов и в середине слов после гласных, после мягких *л, н, р* (также после *б, в, п, м*, если после них опущено *л*): **ѧ**гль (при **ѣ**гль), *моеѧ* (твор. п. ед. ч. женск. р.; при *моеѣ*), *землеѧ* (тв. п. ед. ч.; при *землеѣ*), *любѧ* и *любѣ*, *исплънѧ*, *разорѧ* (1 л. ед. ч. наст. вр.; при *любѣ*, *исплънѣ*, *разорѣ*) и т.п. Писцы некоторых памятников (например, Охридского Апостола XII — XIII в.) не ограничиваются смешением юсов в указанных случаях и пишут их один вместо другого как-будто без всякой системы.

Должно заметить, что лишь в очень немногих старших (XII — XIII вв.) средне-болгарских памятниках употребляются **ѣ**, и тот **ѧ**, который пишется в виде пересеченного треугольника; огромное большинство памятников обходится двумя буквами — **ѣ** и **ѧ**.

Употребление **ѣ** в церковно-славянском языке болгарского извода в общем то же, что и в собственно-церковно-славянском языке.

Несколько средне-болгарских памятников XII—XIII веков или почти совсем не имеют буквы **ѧ**, или употребляют ее смешанно с буквою **ѣ**. Так, Слепченский Апостол не знает буквы **ѧ** и имеет **ѣ**ко, *моѣ*, *воѣ* и т.п. (рядом с *сѣсти*, *рѣчь* и т.п.); Паремейник Григоровича имеет рядом: **ѣ**ко, *бытиѣ* (род. п. ед. ч.) и т.п. и *вианецѣ* (= *вѣнецѣ*), *сеѣа* (= *сеѣ*, дат. п.), *диѧлати* (= *дѣлати*) и т.п. По-видимому, эти памятники написаны или в Солуне, или в той области древней Болгарии, которая была под влиянием Солуны.

Остальные средне-болгарские памятники, до XVII века включительно, употребляют **ѣ** и **ѧ** так же, как большая часть памятников собственно-церковно-славянских, как *Саввина книга* и др.

Употребление љ и њ в средне-болгарских памятниках XII — XIV вв. не отличается последовательностью. Большая часть писцов пользуется и тою и другою буквою; некоторые (писцы Слепенского Апостола XII — XIII в., Хронографа Манассии 1345 г. и др.) имеют лишь љ; другие имеют лишь њ. Около половины XIV в. (например, в Сборнике 1348 г.) замечается употребление њ часто в середине слов и в предлогах, а љ часто в конце слов.

Остальные особенности собственно-церковно-славянского языка остаются в средне-болгарских текстах без существенных изменений.

Реформа Евфимия.

Во второй половине XIV в. патриарх болгарский *Евфимий* (живший в столице тогдашнего болгарского государства Трънове), заботясь об исправности книг свящ. писания и богослужебных, упорядочил средне-болгарскую орфографию и сделал ее однообразною. Этот “великий художник славянских письмен”, как называет его современник, оставил в начале слов один љ; там, где нужно было писать рядом два юса, он стал писать на первом месте љ, на втором — ▲; њ-рю было им назначено место в середине слов, в предлогах, в частицах, а љ-рю — в конце слов. Примеры: љзыкъ (= ц.-сл. љзыкъ), добрљ▲ (вин. п. ед. ч. женск. р.; = ц.-сл. добрљљ); вльљ (= ц.-сл. вльљ, русск. волк) вљ врљхъ (русск. в верх). Слова без л, в роде ослабень, Евфимий изъял из употребления и оставил только слова с л: ослабень и т.п. Прочие особенности средне-болгарских текстов были сохранены Евфимием без существенных изменений.

“Добрые терновские изводы” (тексты), т.е. с испраилениями Евфимия, славившиеся у южных Славян в конце XIV и начале XV вв., не сохранились до нашего времени. Средне-болгарские книги с Евфимиевской орфографией, которые до нас дошли, относятся к XV — XVII вв. и почти все написаны или в монастырях Афона, или в Молдавии и вообще румынских землях, куда при турецком погроме в конце XIV в. бежало много Болгар; впрочем в них эта орфография редко бывает выдержана достаточно строго. Печатные книги (евангелия, псалтыри и т.п.), имеющие тексты на церковно-славянском языке болгарского извода (с двумя юсами), изданные в румынских землях в XV — XVII вв., в большинстве случаев следуют также *Евфимиевской орфографии*.

Сербский извод.

Церковно-славянский язык для Сербов был искони чужим языком. Но все славянские наречия в IX — XI веках были еще близки друг другу, и Серб мог свободно понимать Болгарина, Русский — Чеха и т.д. Еще легче было понимать Сербу и Русскому болгарскую книгу, Болгарину сербскую или русскую, и т.д. Каждый Славянин мог читать буквы согласно требованиям своего языка согласно своему произношению; например, Русский, читая болгарскую книгу, мог произносить букву љ не как носовой гласный, а как чистое у и т.д. Еще легче было понимать Сербу или Русскому болгарскую книгу, переписанную несколько раз сербскими или русскими писцами, так как последние при переписке более или менее изменили церковно-славянский язык этой книги и приблизили каждый к своему родному языку.

Значительное большинство памятников, написанных *православными Сербами* в старшую эпоху их письменности, в XII — XIV вв., хотя восходят к церковно-славянским оригиналам, тем не менее отличаются от этих последних. В них мы имеем *церковно-славянский язык сербского извода*, церковно-славянский язык, измененный Сербами согласно особенностям их языка. Таковы, между прочим, два памятника конца XII или начала XIII в.: великолепное Мирославово Евангелие и скромное Волканово Евангелие.

Сербский язык в то время уже не знал носовых гласных, и на месте љ-са в нем слышалось у, ю, а на месте ▲-са — е, ѐ, и сначала сербские писцы смешивали 1) љ и у, ю, 2) ▲ и е, ѐ, т.е. писали: воду (вин. п. ед. ч.), несу (1 л. ед. ч. наст. вр.), знаю — и рабљ, (дат. п. ед., = ц.-сл. рабу); душе (род. п. ед. ч.), несоше (3 л. мн. ч. аориста), плаче, служе, стоѐ (причастия) и ▲му (ц.-сл. ѐму дат. п.), ▲су (= ц.-сл. несљ, 1 л. ед. ч.). Потом сербские писцы, за немногими исключениями (о которых будет сказано ниже), совсем перестали употреблять юсы.

Что до љ и њ, то все сербские писцы до XIV в. включительно, за немногими исключениями, пользуются лишь второю из этих букв, т.е. пишут сьљ (= сонљ), пљсьљ (= пљсокљ), трьљ (= торгљ), мльљ (= молљ) и т.п., иногда, в

формах род. п. множ. ч., удвояя ее: *сьнь* (= *сновь*), *трыгь* (= *торговь*), *жень* (= *жень*).

Употребление *ѣ* вместо и на оборот искони чуждо сербскому языку. Некоторые сербские писцы, списывавшие с церковно-славянских оригиналов, смешивавших *ѣ* (солунских или вообще македонских), внесли в свои списки многие из их особенностей: так, в Мирославовом Ев. находится и *ѣ*ко, *вьсиѣ* (= *всія*, 3 л. ед. ч. аориста) и о *сѣѣ* (= о *сѣѣѣ*), б (= *бѣ*) и т.п. Но большинство сербских писцов ставит *ѣ* вообще там, где мы, и при этом то чаще, то реже смешивает его с *е*: *сести*, *речь* и *сѣло*, *рѣку* (= *село*, *реку*, 1 л. ед. ч.), и т.п.

Из других особенностей церковно-славянского языка сербского извода не излишне отметить 1) смешение *и* и *ы*, т.е. употреблеше одной буквы вместо другой: *ти* (= *ты*), *пытаты* (= *питати*) и т.п., и 2) употребление *у* вместо *в* перед согласными и на оборот: *у градѣ* = *въ градѣ*, *въмрѣти* = *умрѣти* и т.п.

Церковно-славянские *а* вместо *в* агода, *моа* и т.п. и *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* в *градѣ*, *глава*, *брегѣ*, *плѣнѣ*, остаются у сербских писцов без существенных изменений.

Рядом с церковнославянскими *жд* и *щ*, изредка встречаются у них *к* и *г* (с следующими *я*, *ю*, *ю*): *вилю*, *госпола* (= *ц.-сл. виждѣ*, *госпожда*), *холю*, *сѣѣка* (= *ц.-сл. хошѣ*, *сѣѣца*). Церковно-славянские слова без *л* (*ослабенѣ* и т.п.) ими не употребляются; они пишут только: *ослабенѣ* и т.п.

Ресавские тексты.

Сербские памятники позднейшей эпохи, XV — XVII веков, по своим особенностям могут или 1) быть вполне сходными с памятниками древнейшей эпохи: или 2) отличаться от последних одною важною чертою — употреблением *ъ*-ра. Орфография памятников с *ъ*-ром — не что иное, как переделка Евфимиевской орфографии, произведенная в первой четверти XV века почитателем Евфимия, Константином Философом (или Костенчским); по Константину, *ъ* должен был ставиться в середине слов и в предлогах, а *ь* только в конце слов. Так как тексты с орфографией Константина в XV в. писались по преимуществу в сербском монастыри Манассия на реке Ресаве, то за ними утвердилось название *ресавских*; они славилась

в Сербии как наиболее исправные, и сведущие люди в этой стране усердно разыскивали их даже в XVII веке. Сербские печатные книги XV — XVI веков напечатаны преимущественно по ресавским оригиналам.

Сербы часто (особенно в XIII — XV вв.) списывали с средне-болгарских оригиналов, и Болгары иногда (особенно в XIV веке) пользовались сербскими оригиналами. Знаатоки дела более или менее искусно переделывали средне-болгарский извод в сербский извод; обыкновенные же писцы, плохо понимая текст или не вникая в его смысл, часто вводили в сербские книги средне-болгарские особенности, а в средне-болгарские — сербские.

Смешанные изводы.

Таким образом получились смешанные языки — 1) *церковно-славянский язык болгаро-сербского извода* и 2) *церковно-славянский язык сербо-болгарского извода*.

Главные особенности первого — употребление 1) *у*, *ю* на месте церковно-славянского *ѣ*, средне-болгарского *ѣ*: *узикъ* (= *ц.-сл. ѣзык*, *ср.-болг. ѣзыкъ*), *стою* (*ц.-сл. стоѣ*, *стоѣ*, *ср.-болг. стоѣ*, *русс. стоя*, *причастие наст. вр.*) и т.п.; 2) *е*, *ю* на месте *ѣ*: *знае*, *знае* (= *ц.-сл. знаѣ*, *ср.-болг. знаѣ*, *русс. знаю*, 1 л. ед. ч.) и т.п.; 3) *ѣ* после *л*, *н*, *р*, как в собственно-церковно-славянских и в средне-болгарских памятниках: *волѣ* (*им. п. ед. ч.*) и т.п.

Главная особенность второго — употребление 1) *у*, *ю* на месте церковно-славянских *ѣ*, *ѣ*, средне-болгарских *ѣ*, *ѣ*: *судъ* (= *ц.-сл. и ср.-болг. сѣдѣ*, *русс. судъ*), *знаю* (*ц.-сл. знаѣ*, *ср.-болг. знаѣ*), и 2) *е* на месте *ѣ*: *име* (*ц.-сл. и ср.-болг. имѣ*, *русс. имя*), *стоетъ* (= *ц.-сл. стоѣтъ*, *ср.-болг. стоѣтъ*, *русс. стоять*, 3 л. мн. ч.). Рядом употребление *ѣ* и *ѣ* по-средне-болгарски.

Боснийский извод.

Сербы, придерживавшиеся богомильской ереси, жившие в *Боснии*, выработали в своих книгах несколько иной вид церковно-славянского языка сербского извода. Из их кирилловской письменности дошло до нас всего несколько книг, все XIV века или начала XV века. Особенности орфографии этих книг следующие. Юсы не употребляются; **ѧ** не употребляется; **Ѣ** употребляется на месте наших русских **Ѣ**, **я**, **и** и **ы** (иногда **е**); на оборот **и**, **ы** (иногда **е**) употребляются вместо **Ѣ**; **и** и **ы** смешиваются друг с другом; **а** нередко на месте **ь** и на оборот: **сань** (= ц.-сл. **сѣнь**, русск. **сонь**), **вась** (= ц.-сл. **всь**, русск. **весь**), **врьгъ** (= ц.-сл. **врагъ**); **у** нередко на месте **в** перед согласными; **к** нередко на месте церковно-славянского **ц**; **ѣ**, **ю**, **ѥ**, **е** нередко на месте церковно-славянских **жда**, **ждѣ**, **жду**, **жда**, **жде** (госпоѣ = ц.-сл. **госпожда**, им. п.; госпою = ц.-сл. **госпождѣ**, вин. п., и т.д.).

Из мелких черт свойственных церковно-славянскому языку южно-славянских книг не излишне еще отметить употребление:

1) одного **и** нередко там, где следовало бы быть двум **и**: о величи (вм. о величии) и т.п., и 2) **ю** изредка вместо **у**: емю, дяша (вм. ему, душа) и т.п., рядом с **у** изредка вместо **ю** после **л**, **н**, **р**: ср.-болг. **лублѣ** (вм. **люблѣ**), сербск. **лубли** и т.п.

Южно-слав. грамоты.

Язык южно-славянских грамот (документов) — обыкновенно не церковно-славянский того или другого извода, а болгарский или сербский. Главные особенности этого языка — те же, что и церковно-славянского языка болгарского и сербского изводов, только более яркие; кроме того, в нем много более или менее мелких своеобразных черт (особенно в формах), редких в языке книг.

Грамоты румынских воевод и бояр XV — XVII веков — обыкновенно на болгарском языке; те из них, которые написаны в Валахии, не чужды сербских черт; те же, которые написаны в Молдавии, иногда изобилуют разнообразными руссизмами (несколько их по языку — вполне русские). Вообще в языке румынских грамот нередки **ѣ** вместо **ѣ** и на оборот, **е** и **ѣ** вместо **ѣ** и на оборот, и неправильные формы склонения (что изредка встречается и в языке румынских книг).

Грамоты на сербском языке принадлежат не только сербским государям и их родственникам, но также банам и кралям боснийским, правительству сербской республики Дубровника (или Рагузы, в Далмации), князьям албанским, султанам турецким; последние в XV — XVI веках писали по-сербски не только к правительству Дубровника, но и к московским государям.

“Законник” сербского царя Стефана Душана. (XIV век) написан на сербском языке.

Русский извод в XI-XIVв.

Русские познакомились с церковно-славянским языком, по-видимому, еще в первой половине X века. Договор Игоря с Греками 945 года упоминает о “соборной” церкви св. Илии в Киеве; жена Игоря, Ольга, как известно, была христианка. Папская булла об учреждении епископии в Праге (в Чехии), написанная между 965 и 972 годами, требует от чешской церкви, чтобы она не следовала за Болгарией и Русью и не держалась в богослужении славянского языка (“*поп secundum ritus aut sectam Bulgariae vel Ruziae, aut sclavonicae linguae*”); следовательно, Ольга и современные ей русские христиане имели книги и богослужение на церковно-славянском языке. После принятия крещения всею Русью церковно-славянские тексты появились среди русских христиан в большом числе; приток их в Россию был, по-видимому, особенно силен в XI и начале XII веков, ослабел в конце XII и начале XIII веков и почти совсем прекратился в первое столетие татарского ига. Мы не знаем, как они шли: всегда прямо из Болгарии, или часто при посредстве Константинополя; всегда приобретались они покупкою, или иногда доставлялись византийскими государями, с половины X века владевшими

Болгариею. Стоит отметить тот факт, что великолепное Остромирово Евангелие 1057 года, по-видимому, списано непосредственно с не менее великолепного церковно-славянского оригинала, вероятно, подаренного в какую-нибудь болгарскую церковь одним из болгарских царей или бояр; а роскошный Святославов Сборник 1073 года может быть копией с роскошного церковно-славянского оригинала, изготовленного для болгарского царя Симеона.

Дошедшие до нас церковно-славянские памятники, написанные Русскими в XI и начале XII веков, делятся на две группы: в одной мы видим церковно-славянский язык не без руссизмов, но сохраняющий значительную часть церковно-славянских особенностей; сюда относятся, между прочим, Остромирово Евангелие и Святославов Сборник: некоторые из памятников этой группы имеют так мало русского, что даже знатоки смешивают их с собственно-церковно-славянскими; в другой — перед нами уже обрусевший церковно-славянский язык, с довольно яркою русскою окраскою; сюда относятся Архангельское Евангелие 1092 года и Миней 1096 и 1097 годов. Из дошедших до нас церковно-славянских текстов русского происхождения последующего времени, до конца XIV века, лишь очень немногие сохраняют яркие церковно-славянские особенности; огромное большинство имеет сравнительно однообразный церковно-славянский язык русского извода, церковно-славянский язык, измененный Русскими согласно особенностям их языка.

Русский язык в X — XIV веках уже не знал иосовых гласных, и на месте ж-са в нем было у, ю, а на месте а-са — а, . Уже старшие русские писцы, с писцом Остромирова Евангелия во главе, смешивают 1) ж и у, ю, 2) а и а, , т.е. пишут воду, знаю и рабж; несоша, начати, сто (причастие) и ако (= ц.-сл. ко). Последующие писцы, в числе их писцы Миней 1096 и 1097 годов, постепенно совсем изыали из употреблениа ж, а а-с стали употреблять в одном значении с , или пользуясь этими двумя буквами безразлично, или ставя а после согласных, а в начале слов и в середине их после гласных.

Буква ѣ пишется русскими писцами XI — XIV веков вообще там, где ее пишем мы. Они смешивают ее (как сербские писцы) с е, ѣ: сести, сѣло, одни чаще, другие реже: даже писец Остромирова Евангелия один раз написал: гневъ. Смешения ѣ с у них совершенно нет.

Буквы ъ и ь у русских писцов XI — XII веков являются столь же часто, как и у церковно-славянских писцов; мы у них находим ъ там, где в современном русском языке слышится о или ничего не слышится; ь там, где слышится е или ничего не слышится: сѣнь (= сонъ), лѣжь (= ложь), дѣнь (= день), вѣсь (= весъ); мѣногъ, кѣто, чѣто, вѣсе и т.п. Писцы XIII — XIV веков уже более скупы на ъ и ь: они часто или пишут о, е вместо ъ, ь: сонъ, день, или опускают ъ. ь: многоъ, что, все и т.п. Во всяком случае русские писцы, за немногими исключениями, прекрасно различают ъ и ь друг от друга и употребляют каждый из них только в известных местах; мы у них находим всегда сѣнь (нет: сѣнь), дѣнь (нет: дѣнь) и т.п. Там, где церковно-славянские памятники имеют рѣ, рь, лѣ, ль: трѣгъ тврѣдъ, врѣхъ, мѣва, — русские имеют в XI — XII веках обыкновенно или трѣгъ, тврѣдъ, врѣхъ, мѣва, или трѣргъ, твррьдъ, вррьхъ, мѣлва, в XIII — XIV веках — торгъ, твердъ, верхъ, верьхъ, молва.

Некоторые русские писцы XII — XIV веков смешивают между собою ъ и о, ь и е (ѣ), ставя эти буквы одну вместо другой: вѣда (= вода), грѣхо (= грѣхъ), вѣсти (= вести), ноше (= ночь). У одних (как у писца Добрилова Евангелия 1164 г.) такое смешение происходит более или менее редко; у других, напротив, с ним приходится встречаться на каждой строке. Оно известно также у писцов XV — XVI веков (редко).

Употребления а вместо русские писцы XI — XIV веков избегают; моа (жснск. р.) у них редчайшее явление; обыкновенно у них: мо.

Церковно-славянские слоги ра, ла, рѣ, лѣ, в градъ, глава, врѣдъ, брѣгъ, плѣнь, шлѣмъ, русскими писцами XI — XIV века очень часто сохраняются, причем вместо ѣими ставится е: брегъ, вредъ, шлемъ (Миней новгородского письма 1095, 1096, 1097 годов; Мстиславова Евангелие, вероятно, киевского письма, нач. XII века; об исключениях см. ниже); но рядом с этими слогами мы изредка истремас чисто русские сочетания оро, оло, ере, ело и т.п. (русское полногласие): городъ, голова, берегъ, вередъ, полонъ, шеломъ.

Церковно-славянские жд (из д) и щ (из т) в виждѣ, свѣща русскими писцами XI — XIV веков очень часто сохраняются: вижду, свѣща: но рядом с ними

мы то чаще, то реже видим чисто-русские ж и ч: вижю, свѣча (например, в Святославовом Сборнике 1076 года: отьца не рождена, сына рожена).

Употребление *ы* после *г, к, х*, обычное в церковно-славянском письме, обычно и в древне-русском XI — XII веков: его мы встречаем в XII, XIV, даже в XVI и XVII веках: *кыснути, врагы, духы*, как в словах славянских, так и в греческих; но с XII века появляется здесь и *и*: *киснути, враги, духи*; оно делается обычным в XIV веке.

Как церковно-славянское письмо после *ж, ч, ш, щ, ц* имеет не *ы*, а *и*, обыкновенно *ю*, а не *у*, так и древне-русское XI — XIV веков; сверх того, в последнем после этих букв пишется постоянно *ь*, а не *ъ*.

Отмеченное нами в южно-славянских памятниках странное употребление *ю* вместо *у* изредка встречается и в русских текстах: так, в Пандектах Антиоха XI века мы читаем: *глюбины, рюцѣ, мудростьѣ, нюждеѣ* и т.п.: в Богословии Иоанна Дамаскина XII — XIII в.: *сють, сыню, луню, кюпяться* и т.п.; в Погодинском Евангелии XIII в. № 11: *рюку, вѣрю* (вин. пад.), *крюпица*, по глоголю и т.п.

Кроме этих обще-русских особенностей, многие русские памятники XI — XIV веков имеют еще особенности *местные русские*.

Новгородские тексты.

Писцы *Новгородцы*, согласно своему родному говору, смешивают *ц* и *ч*, ставя одну из этих букв вместо другой; отсюда в Новгородских памятниках XI — XIV веков, начиная с Миней 1095 — 1097 годов, более или менее часто: *богородича* (= богородица), *чвѣтъ*, *чърькы* (= церковь), *дърьтогъ* (= чърьтогъ), *цаша* (= чаша) и т.п.

Те же писцы часто пишут *жг* на месте церковно-славянского *жд*, и например, в только что названных Минеях читается: *дѣжль* (= дождь), *одѣжлгити*, *прѣжле*, *рождение*, *побѣжген* и т.п.

У Новгородских писцов XI и XII веков употребление *и* вместо *ѣ* на оборот редко; но у многих (не у всех) писцов второй половины XIII и XIV века оно представляет обычное явление. Мы встречаем его в Прологе 1262 года, в Евангелии 1355 года, в Евангелии до 1362 года, в Тактиконе 1397 года; вот примеры из Евангелия 1355 года: *колинома, человеком, железными, проповидь, к жени, узри* (3 л. ед. ч.), и т.п.

Двинские тексты.

Если бы до нас дошли книги, написанные в *Двинской земле*, в XIII — XIV веках, то судя по грамотам этой новгородской колонии (по Северной Двине, теперь в пределах отчасти Архангельской, отчасти Вологодской губернии), мы нашли бы в них те же черты, что и в новгородских книгах, с присоединением еще одной — употребления *у* вместо *в* и на оборот.

Псковские тексты.

Писцы *Псковичи*, согласно своему родному говору, смешивают не только *ц* и *ч*, как их новгородские собратья, но и *з* и *ж*, *с* и *ш*, ставя одну из парных букв вместо другой. Отсюда в псковских памятниках XIV века (более ранние до нас не дошли) более или менее часто: *богородича, черкы, цаша; погряже* (= погрязе, 3 л. ед. ч.), *тержая* (= терзая), *вразду* (вин. п.), *зизнею, многазды, о сапозницѣ; предъ вшими* (= всѣми), *прошть* (3 л. ед. ч.), *скончаша* (= скончастася), *въпрасяти, написи* (повел. накл.), *часю* (= чашу), и т. под.

Псковские писцы, как и новгородские, употребляют также 1) *жг* на месте церковно-славянского *жд* и 2) *и* вместо *ѣ* на оборот.

Галицко-волинские тексты.

Писцы в Галицко-волинской земле лучше других различают ѣ и е. Употребление е вместо ѣ, у них не редкость и встречается в одних рукописях чаще, в других реже, без системы (в церковно-славянских словах в роде брѣгъ, врѣдъ и т.п. ѣ очень часто сохраняется); но обратное употребление, употребление ѣ вместо е, подчинено правилам. Вообще говоря, ѣ вместо е ставится ими там, где в современном малорусском наречии (потомки древнего галицко-волинского говора) обыкновенно слышится і и именно в тех слогах, за которыми следует слог с ъ, њ, ѣ: шѣсть вместо шесть (сравни малорусское шість = шесть), пѣць вместо печь (ср. малорусск. пічь = печь), зѣлие, зѣлье вм. зелье (ср. мр. зілле), весѣлие, весѣлье вм. веселье (ср. мр. весілле), камѣние, камѣнье вм. каменье (ср. мр. каміinne), спасѣние, спасѣнье вм. спасенье, о всѣмь вм. о всемь, и т.п. Рукописи с употреблением ѣ в этих и подобных словах начинаются с XII века (Добрилово Евангелие относится к 1164 году) и оканчиваются XIV веком.

Другая особенность галицко-волинских писцов — употребление у вм. в и на оборот: униде у Капернаумъ (= вниде въ —), уселися у нѣмь; вѣчити (= учити), вѣмрѣти (= умрѣти), и т.п. Эта особенность вполне обычна в рукописях XIII — XIV веков.

Третья особенность тех же писцов — употребление жч вместо церковно-славянского жд (новгородского жг): дѣжчъ, одѣжчити, беж чены (= ц.-слав. беж-дены = безъ жены). Ее мы находим в рукописях XII—XIV веков.

Накопец у галицко-волинских писцов XII — XIV веков изредка встречаются у вместо о (добровульно), ю вместо е (инодѣюм, дат. п. мн. ч.), чтюнь = чтенъ, причастие, и вместо ѣи на оборот (окаменило = окаменѣло, при вечери == при вечерѣ), ы вместо и и на оборот (просъти = просити).

Киевские тексты.

Как это ни странно, относительно особенностей писцов Киевлян ведутся споры. Несомненно написанных в Киеве рукописей мало; это — два Святославовых Сборника, один 1073 г., другой 1076 г.; два Евангелия первой половины XII века, Мстиславова (написанное по повелению великого князя киевского Мстислава, сына Мономахова) и Юрьевское (написанное для Юрьевского монастыря под Новгородом), могут быть с большою вероятностью признаваемы за написанные в Киеве; Триодь Моисея Киевлянина XII — XIII века, судя по прозванию писца, в главной своей части написана не в Киеве, а по-видимому в Новгороде, но может быть причислена к киевским памятникам; наконец небольшая Мстиславова грамота (выше упомянутого великого князя) ок. 1130 года — почти несомненно киевский памятник. Все названные рукописи отличаются бесцветностью своего языка и орфографии. В них нет ничего похожего на галицко-волинское употребление ѣ вместо е, на новгородскую мену ц и ч и т.п. Одни ученые говорят — и с ними приходится согласиться, — что киевский говор XII — XIII веков был очень слабо окрашен, не имел в себе ничего яркого; другие, — что киевские писцы отличались тщательностью работы и в названные выше рукописи не внесли черт своего киевского говора; они считают киевскими, без всякого впрочем основания, некоторые из тех рукописей, которые следует считать галицко-волинскими.

Средне-русские тексты.

Писцы нынешней центральной России, Ростовцы, Рязанцы и т.д., писали также бесцветно. Впрочем рукописей средне-русского происхождения до нас дошло мало. Мы имеем две ростовских рукописи начала XIII века, одну рязанскую второй половины XIII века, одну московскую первой половины XIV века, две из Переяславля Залесского и одну из северного Галича половины XIV века, наконец Лаврентьевский список летописи второй половины XIV в., написанный в пределах Суздальского княжества того времени; сверх того, у нас есть одно евангелие, написанное, по всей вероятности, в Москве в 1393 году, одно евангелие, написанное в Переяславле Залесском или в самом конце XIV века, или в начале XV (между 1389 и 1425 гг.), Слова Григория Богослова, написанные в Ярославле в 1392 г., и Толковая Палея, написанная в Коломне в 1406 г. Можно отметить, что в старшей московской рукописи (Евангелие 1339 года) есть следы московского аканья, т.е.

употребление *a* вместо неударяемого *o* и на оборот: *дивьна* (вм. *дивьно*), в апустѣвѣшии земли, а в одной рукописи из Переяславля Залесского (Евангелие 1354 года) встречается в небольшом числе случаев мена *ц* и *ч*.

Ни одной книги, несомненно написанной в Полоцке, Смоленске или вообще в западной Руси в XI — XIV веках, до нас не дошло.

Южно-славянское влияние, начавшееся в половине XIV века и продолжавшееся до половины XV века (о нем см. выше, стр. 53), вместе с южно-славянским полууставом дало русским книжникам и южно-славянскую (точнее: средне-болгарскую) орфографию.

Болгаро-русский извод.

Значительную часть южно-славянских (болгарских) книг, перешедших в XIV и XV веках в Россию, составляли книги богослужебные, или с исправленным по греческим оригиналам, или с вновь переведенным с греческого текстом; затем было не мало творений святых отцов, богословского и учительного содержания, по преимуществу для чтения монахам, также или с исправленным по греческим оригиналам, или — что чаще — со вновь переведенным с греческого текстом; наконец небольшое число книг составляли жития святых, хронографы и т.п., в переводе с греческого. Полученные от южных Славян книги освежили русскую литературу XIV — XV веков. Они понравились русским читателям и стали усердно переписываться. Таким образом появились русские списки с средне-болгарских оригиналов, сохранявшие в большей или меньшей степени язык и орфографию этих последних. Многие из них имеют в себе так много разнообразных средне-болгарских особенностей, что вполне заслуживают названия текстов не русского а *болгаро-русского извода*. Таковы, например, написанный в Новгороде Тактикон 1397 года и написанное в Киеве Евангелие 1411 года: если бы писец второго из этих памятников не смешивал *ж* и *у*, *▲* и *и* и не вводил изредка других руссизмов, мы бы признали его текст за чистый средне-болгарский. В других списках число средне-болгарских

особенностей не так велико; это главным образом — употребление: 1) *ж* рядом с *у* и смешанно с *у*, 2) *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* на месте русских *ор*, *ол*, *ер* (в *трѣгѣ*, *врѣхѣ*, *млѣва*, *врѣхѣ*, *млѣва* и т.п.); 3) *a* вместо *я* после гласных (в *моа* вместо *моя*, спасения, род. пад., *добрыа*, род. п. женск. р., и т.п.); 4) *ь* в конце слов вместо *ъ* (*братъ*, *сонъ*, *добрыхъ*, род. п. мн. ч., и т.п.). Сверх того, иногда мы находим следы средне-болгарского смещения юсов, т.е. формы в роде *добрж▲*, *добрѹ*, вместо: *добрѹю* (вин. п. ед. ч. женск. р.), *твоеж*, *твоею*, вместо: *твое* (род. п. ед. ч. женск. р.).

Средне-болгаризмы.

Из списков с южно-славянских оригиналов особенности средне-болгарского языка и орфографии перешли в тексты русского происхождения или уже обрусевшие и получили в них более или менее широкое распространение. Появление орфографической моды относится к концу XIV века. Евангелие 1393 года, вероятно, московское и Киевская Псалтырь 1397 года, написанные одним писцом, уже имеют изредка *ь* в конце слов вместо *ъ*; мы читаем в Евангелии: *домѣ* твои, *торжникомѣ* (дат. п. мн. ч.); в Псалтыри: *домѣ*, *гнѣвь*, *лукѣ*, *вашихѣ*, на *ложихѣ* и т.п. XV век — время ее сильнейшего распространения; книги вполне свободные от нее — редкость. В северо-восточной Руси она ослабевает в первой половине XVI века; из рукописей второй половины этого века буква *ж* часто встречается лишь в немногих (между прочим, в некоторых частях Макарьевских Четых-Миней); слоги *рѣ*, *лѣ* (*трѣгѣ* и т.п.) — также; но *a* вместо *я* (*моа* и т.п.) еще обычно, хотя и не пользуется особенно широким распространением; в XVII веке, за исключением мелочей (изредка *a* вместо *я*), южно-славянская орфографическая мода была уже забыта (сравни выше стр. 55); печатные книги московской типографии XVII века ее не знают. В юго-западной Руси рукописи с средне-болгаризмами — обычное явление в течение всего XVI века и начала XVII века; средне-болгаризмы не редкость также в печатных книгах; их — в умеренном впрочем количестве — мы видим в знаменитой Острожской Библии 1581 года: *влѣсви*, *прѣвосвященники*, *ea* (= *ея*), *дѣваа*, *пріати* и т.п.; *ж*, *р*, *рѣ*, *лѣ*, *a* вместо *я* в довольно значительном числе находятся в книгах напечатанных в Киеве в первой четверти XVII столетия (сравни выше стр. 55).

Само собою разумеется, русские писцы, стараясь следовать орфографической моде, не редко употребляли ее особенности в таких случаях, где в средне-болгарских текстах их не было; т.е. **ѡ** ставился ими там, где в этих текстах стояло *у*; *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* — там, где в них было *ор*, *ол*, *ер*, *ел*; *а* — там, где в них было **Ѧ**. Таким образом мы встречаем, например, в Хронографе Амартола XV века (Имп. Публ. Б. Q. IV. 35): *грѣко* вм. горько, *мѣба* вм. мольба, *плѣза* вм. польза и т.п.; в Вопросах Кесария того же столетия (Моск. Дух. Ак.): *грѣко*: вм. горькое, *грѣняго свѣта*, *плѣзу* вм. пользу, *прѣнатыѣ* вм. пернатый и т.п.

Особенно много недоразумений у русских писцов XV—XVI веков было с **ѡ**. Одни из них считали его равным по значению с *у*; другие приравнивали к *ю*; московская грамматика 1048 года говорит: “*ю* или **ѡ**”; третьи употребляли эту букву и в значении *у*, и в значении *я*. В записи написанного в Москве в 1461 году Тактикона мы читаем: в обители пречистыѡ Богоматере, раба божиѡ Василиа, въ домѣ пречистыѡ Богоматере (**ѡ** = *я*), прочптающе книгѡ сію (**ѡ** = *у*). В великольном Пересопницком Евангелии 1556 — 1561 г., имеющем евангельский текст в юго-западно-русском переводе, рядом с *выпрѣгнете* (2 л. мн. ч.), *трѣплю*, *сѣврѣшена*, *прѣвѣе*, *выплѣнять* и т.п., рядом с *тишина великаа*, *четвертаа книга*, *погребеніа*, *ученіа* (род. п.) и т.п., рядом с *ворогѣ* (= *ворогѣ*), *шоль*, *быль*, *свѣтъ*, въ *ясলেখъ*, мы находим: *сталосѡ* (= *сталосѣ*), *молитисѡ*, да *будеть волѡ твоѡ*, *дѡ* *сорому* и т.п. (по изданию Житецкого стр. 49); здесь **ѡ** употреблено в значении *я*. В сборнике Жугаева 1568 г., написанном в Галиции (см. выше стр. 33), в статьях несомненно русского происхождения, рядом с *ь* в конце слов, рядом с **Ѧ** на месте *ю* (въ *мѡкѡ* *вѣчнѡѦ*), есть и **ѡ** в значении *я*: *таѡ* (им. п. ед. ж. р.).

Но бывали — правда, гораздо реже — недоразумения и с **Ѧ**; как мы видели выше, в средне-болгарских текстах эта буква нередко занимает место церковно-славянского *ѣ*, **ѡ**, русского *у*, *ю*. Например, в сборнике русского происхождения Измарагде по списку XVI в. Имп. Публичной Библиотеки (Ф. I. 228), рядом с *а* вм. *я*, рядом с *ь* вм. *ѣ* в конце слов, мы находим формы 1-го л. ед. ч. на **Ѧ**: *славлѦ* (= *славлю*) и т.п.; в переведенном в юго-западной Руси с латинского описании Иерусалима Адрихома (см. о нем статью г. Долгова) **Ѧ** также встречается на месте русского *у*, *ю*.

Усиление церк.-слав. элемента.

Южно-славянские книги, перешедшие в XIV и XV веках в Россию и понравившиеся русским книжникам, конечно, не имели руссизмов; иначе говоря, в них были всегда церковно-славянские слоги *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* (*градѣ*, *глава*, *брѣгѣ*, *шлѣмѣ* и т.п.) и буквы *жд* из *д* (*виждѡ* и т.п.), *щ* из *т* (*свѣща* и т.п.: см. выше стр. 19). Усваивая особенности языка и орфографии этих книг, русские писцы начали изгонять из своих текстов русские слоги *оро*, *оло*, *ере*, *ело* (*городѣ*, *голова*, *береть*, *шеломѣ*) и буквы *ж* (*вижю*) и *ч* (*свѣча*) и заменять их церковно-славянскими. Если мы сравним списки, например, Новгородской летописи, один XIV века (так наз. Синодальный) и два другие XV века, то увидим, что в первом руссизмов гораздо больше, чем во вторых, или — что то же — в первом церковно-славянских особенностей много меньше, чем во вторых. Вот несколько данных. Список XIV века имеет: въ *городѣ*, *Новѣгородѣ*, *переже*, *хочю*, *отвѣчаша*, *плечи*, *к ночи*, *умедляче*, *рекуче*, *бѣюче*; а списки XV века: въ *градѣ*, *Новѣградѣ*, *преже*, *хощю*, *отвѣщаша*, *плещи*, *к нощи*, *умедляще*, *ркуще*, *бѣюще*. Само собою разумеется, не имея ни грамматик, ни словарей церковно-славянского языка и не зная, где именно должно быть по-церковно-славянски *ра*, *ла*, *жд*, *щ*, эти писцы иногда передельывали русские слова в церковно-славянские более или менее неудачно и писали: о *громовохѣ* и *мланиахѣ* (Сборник XV в. Син. Библи. № 951, л. 290 об.; ц.-сл. и ср.-болг. *мльнии*, русск. *молонья*); о *мужду*, *скажду* (*Житие Варлаама и Иоасафа* нач. XV в. Чуд. мон. № 24, лл. 13 об., 51 об.; ц.-сл. *мѡжу*, от *мѡжѣ*, *скажѡ*, 1 л. ед.); *прѣвую* *стражду* (Апостол 1495 г., л. 48; ц.-сл. *стража*), *стрѣждаше*, *мождаше* (Погод. Римский Патерик XVI в., лл. 58 об., 88; ц.-сл. *стрѣжаше*, *можааше*); *погруждаемѣ* (Учительное Ев. 1514 г., л. 50 об.; ц.-сл. *погрѣждаемѣ*); *отѣ лица твоего камо беждю* (печатн. Лютеранский Катихизис 1562 г., л. 181; ц.-сл. *бѣжю* = *бѣгу*); *посещенье*, *посещеться* (Сборник XV в. М. Типогр. Б. № 1321—439, л. 147 об.; ц.-сл. *посѣчѣ*). и т.п.

Новгородские тексты. XV-XVII в.

Местные *новгородские* особенности языка и орфографии книг, написанных в Новгороде и его колониях, уже в конце XIV века начинают ослабевать. По-видимому, возвышение Москвы повело к возвышению в глазах Новгородцев авторитета московского литературного языка (без мены *и* и *ч* и т.п.) и к признанию со стороны Новгородцев наиболее ярких черт своего языка — провинциализмами. Хотя другие рукописи XIV века новгородского происхождения имеют *ц* вместо *ч* и на оборот чуть не на каждой строке, Евангелие 1355 г. представляет до некоторой степени исключение. Оно написано в Новгороде по приказанию новгородского архиепископа Моисея и имеет красивое письмо, изящный орнамент и довольно исправный текст; по-видимому, это — работа писцов, состоявших при архиепископе. Употребление *и* вместо *ѣ* не редкость: *человичъ*, на *мѣстѣ* *никоемъ*, *иминие* (см. стр. 26); есть также употребление *ѣ* вм. *и*. Но употребление *ц* вм. *ч* и на оборот — исключительное явление; писцы стараются его избежать, и не без успеха; оно встречается в их письме всего несколько раз: *отродищемъ* (дат. п. мн. ч.), *луче* (= *луче*, *лучше*), *личемъ* *ри*, *седмеричею*, *жерчемъ* (дат. п. мн. ч. от *жрець*). В Служебнике 1400 года, изящного письма, написанном священником Хутынского монастыря по приказанию новгородского архиепископа Иоанна, также несколько раз встречается *и* вм. *ѣ*, но употребление *ч* вм. *ч* и на оборот совершенно отсутствует.

Местные новгородские особенности в новгородских книгах XV века еще слабее. Толковая Палея 1477 года, довольно исправно написанная в Новгороде дьяком Нестором, при наличии некоторых других новгородских черт, совсем не имеет *ч* вм. *ч* и на оборот. Исключение составляют слова редкие, не народные; их писец переписал в том виде, в каком они были в его оригинале: *очеть* (вм. *одеть*, *одьть*) и т.п. В Апостоле 1495 года, написанном в Новгороде причетником одной из новгородских церквей, с очень исправным текстом, употребление *и* вм. *ѣ* и на оборот — не редкость: по *стѣни*, *сумниіа* (род. п.), *бозѣ* *снидоша* и т.п., а употребления *ц*, вм. *ч* и на оборот нет (несколько случаев — случайные погрешности). В Библии 1499 года, написанной в Новгороде тремя дьячками новгородских церквей по повелению новгородского архиепископа Геннадия, кое-какие новгородские черты заметны, но мены *ц* и *ч* нет (единичные обмолвки не в счет). В сборнике Патериков XVI века (Синод. Библ. № 216), написанном в Новгороде, есть случаи употребления *и* вместо *ѣ*, а употребление *ц* вместо *ч* неизвестно.

Впрочем между новгородскими текстами XV в. еще встречаются такие, которым не чужда мена *ц* и *ч*. Так, в длинной записи новгородской Троицы 1483 года (Имп. Публ. Б.) мы видим два случая этой мены: *кондана бысть книга сия, исправляюди читите*; в Житии Иоанна Златоуста XV в. (Румянц. Муз. № 150) кое-где также отмечено намиц *ц* вм. *ч*.

Таким образом наиболее типичная особенность новгородских текстов — употребление *ц* вм. *ч* и на оборот — к XVI в. исчезла; в новгородских рукописях XVI и XVII вв. лишь изредка мы встречаем отдельные ее случаи, очевидно случайные погрешности писцов; так, в Домострое XVI в. (Моск. Общ. ист. и др.) один раз написано: *ситедко*.

Вместе с меною *ч* и *ч* исчезло и употребление *жг* вм. *жд* (*въ дождь* и т.п.). Впрочем единичные случаи мы отметили в только что упомянутом Житии Златоуста (*дожду велику*), в Вопросах Кесария 1512 г. (Синод. Б. № 261: *дождь*), и др.

Третья черта новгородских текстов — употребление *и* вм. *ѣ* и на оборот — сохранилась, и мы ее видим, то реже, то чаще, в новгородских рукописях как XV, так и XVI — XVII веков. Она для этого времени (особенно если *и* вм. *ѣ* и на оборот имеет на себе ударение) — наиболее важный признак того, что памятник написан в Новгороде, его области или вообще где-нибудь на нашем севере (в нынешних Олонецкой, Вологодской, Архангельской губерниях).

Псковские тексты. XV-XVII в.

Местные *псковские* особенности языка и орфографии книг, написанных в Пскове, ярко проявляющиеся в двух псковских Параклитиках 1369 г. и 1386 г. и в Прологе 1383 г., сохраняются в псковских текстах XV века: в Евангелии 1409 г., в Прологе 1425 г., в Трефоле 1446 г. и в двух списках Толковой Палеи

Румянцевском 1494 г. и Ундольского 1518 г. Из двух последних рукописей первая — оригинал второй; сличение их представляет большой интерес, показывая, как писец второй старался изгнать из своего текста псковские черты первой. Он, например, находил в своем оригинале: *утрудиша* (вместо *утрудися*) и сначала не догадывался, что в этом слове есть нечто такое, что нужно изменить, и потому писал: *утрудиша*, но потом спохватывался и подправлял или подчищал, так что *утрудиша* превращалось в *утрудися*. По-видимому, он был плохой грамотей и был мало знаком с московскими текстами; во всяком случае псковских особенностей у него не мало.

Но такие псковские черты, как употребление *ц* вм. *ч*, *з* вм. *ж*, *с* вм. *ш* и на оборот, совершенно чужды псковскому Служебнику 1462 г. (Киево-Печерская Лавра) и псковским рукописям XVI и XVII веков (впрочем написанных несомненно во Пскове книг за эти столетия очень мало). Даже в списках Псковской летописи, написанных в XVI в., по-видимому, во Пскове (несомненно, с псковских оригиналов), эти особенности — случайное явление. Писцы иногда пишут *перши* вм. *перси*, когда речь идет об известной части городской стены, как будто не зная значения этого слова; в других словах они употребляют буквы *ч*, *ц*, *з*, *ж*, *с*, *ш* правильно, по московскому произношению.

Московские тексты. XV-XVII в.

Местные *московские* особенности в многочисленных московских книгах XV—XVII веков не получили развития. Московские писцы вообще оказываются хорошо знакомыми с традиционной орфографией, и хотя позволяют себе написать — там, где нет ударения — *а* вместо *о* и на оборот, *е* вместо *я*, *а*, *и* и на оборот, но лишь изредка и непоследовательно. Исключений мало. В числе их можно отметить Евангелие 1527 года, написанное в селе Новом под Вязьмою; в нем мы читаем: *никаго*, *каторого*, *не до седмь кратъ но да седмьдесятъ*, *заподъ*, *долече*, *ту будеть сердца ваша*, *бѣ разрушеніа ея веліа*, *призвати на покаяніа*, *за невѣретвіа ваша*, *продаждь* (повел. накл.) *имѣніа твое* и т.п.

В виду изложенного понятно, что место происхождения рукописей северо-восточной Руси XV — XVII вв. при помощи данных языка и орфографии или может быть определено лишь с более или менее значительным трудом, или совершенно не поддается определению. О целом ряде памятников мы можем сказать лишь то, что они написаны в северо-восточной Руси, без определения, где именно: в Москве, Ростове, Новгороде, Пскове, Вологде.

Западно-русские тексты. XV-XVII в.

Местные особенности языка и орфографии *юго-западной* (литовской) Руси в XV — XVII веках отличаются однообразием. Их много, и они в огромном большинстве случаев так ярко окрашивают памятник, что его юго-западно-русское происхождение является вне сомнений. Между ними особенно обращает на себя внимание употребление твердого *р* вместо мягкого, т.е. слогов *ра*, *ро*, *ру*, *ры*, *ръ* там, где мы ожидали бы *ря*, *ре* (т.е. *рѣ*), *рю*, *ри*, *рь*: *прѣняти*, *манастыръ*, *манастыра*, *манастыромъ* (твор. п.), *вперодъ* (= *впередъ*), *буру* (= *бурю*, вин. п.). За ним следуют 1) употребление *у* вместо *в* и на оборот: *устати* (= *вст—*), *у землю* (= *въ—*), *вже* (= *уже*) и т.п., и 2) смешение предлогов-префиксов *изъ*, *из* — с одной стороны и *съ*, *с* — с другой: *изъ мужемъ* (= *съ*), *издѣлати* (= *сд—*), *исказати* (= *ск—*), *зъ облака* (= *из о—*), *сповѣдати* (= *исп—*) и т.п. Далее можно упомянуть об употреблении *кг* вм. *г* (в польских и вообще не русских словах): *кгды* (= *когда*), *скирикгайло*, *квалтъ*; об частом употреблении после *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* — букв *ы* и *о*; *скажы*, *ночы*, *чому* (дат. п.), *слышавшо* и т.п.: о постановке *е* вм. *я* (главным образом без ударения): *десеть*, *везати* и т.п.; об *ждч* вм. *зж*, *жж* и в слонах в роде *приѣждчати* (= *пріѣзжать*); об *зд* вм. *з* в словах *борздо*, *борздый* и т.п. (= *борзо*); об *ри*, *ры*, *р* вм. *ро* в словах *кривавый*, *крывавый* (= *кровавый*), *крве* (род. п. от *кровь*) и т.п. Можно упомянуть также о том, что *е* ставится более или менее часто на месте *ѣ*.

Сверх того, многие юго-западно-русские тексты имеют в своем словаре вместо церковно-славянских слов — слова юго-западно-русские, как чистые русские, так и заимствованные из польского языка. Так, в *Четъе* (сборнике житий и поучений, написанной в 1489 г. в Каменце Литовском поповским сыном, находятся

слова: крыница (источник), мѣшкать (медлить), скляница (сосуд), скрыня (сундук), але (но), завжды (всегда), нет(д)бать (не обращать внимания), подлугъ (согласно, по), цолецати (обещать) и др.; в Сборнике Жугаева 1568 г., написанном в Галиции (о нем см. выше стр. 33), мы читаем: що (что), але, кды и т.п.

А некоторые юго-западно-русские книги XV — XVI вв. (Пересопницкое Ев. XVI в., Новый Затвет в переводе Негалевского 1581 г., Псалтырь в двух переводах, Познанский сборник повестей XVI в. и др.) имеют тот язык, который мы находим в грамотах литовских великих князей, — западно-русский с полонизмами, иногда также и с малоруссизмами, но более или менее свободный от церковно-славянского элемента.

Южно-русские тексты. XV-XVII в.

Рукописи южно-русского (малорусского) происхождения XV — XVII вв. уже не имеют того ѣ, вм. е (въ шѣсть, весѣлье и т.п.), которое характеризует галицко-волинские книги XIII — XIV вв. Исключение представляют лишь Слова Ефрема Сирина, написанные в 1492 г. с галицко-волинского оригинала XIII в.; писец, очевидно старик, переписал текст в том виде, как его нашел, т.е. между прочим с галицко-волинским ѣ. В большинстве случаев южно-русские книги XV — XVII вв. отличаются от западно-русских (белорусских) тем, что имеют более или менее редко и вместо ѣ и на оборот, и вместо ы и на оборот, у, ю вм. о, в. Так, в Пересопницком Евангелии, написанном в Пересопнице на Волини в 1556 — 1561 годах, мы читаем: въ пультночи, твуй (= твой), стуй, = стой, повел. накл.), зъ фарисеувъ и иродиянувъ (род. п. мн.), в краснумъ (= въ к—омъ), по суй и по туй сторонѣ, нюсь (= несъ, прош. вр.), уздоровлюнь (= исцѣлень, выздоровлень, прич.) и др.

Если еще иногда по данным языка и орфографии можно определить, где именно — в южной или в западной Руси — написана рукопись XV — XVII веков. то уже не представляется возможности сказать, из какой именно местности южной или западной Руси она происходит; т.е. книга, написанная в Вильне, ничем не

отличается от написанной в Полоцке, Слуцке, Минске; а книга, написанная в Киеве, ничем не отличается от написанной в Галиции или на Волини.

Влияние оригинала.

Определяя время и место происхождения рукописи по данным языка и орфографии, мы должны помнить, что писцы, при механической переписке, могли сохранять многие такие черты языка и орфографии своих оригиналов, которые им были не только совершенно чужды, но и непонятны. Так, писец, переписавший в Москве в 1403 г. текст Святославова Сборника 1073 г. (Синод. Библ.), внес в свой список не только многочисленные ѣ и ь в середине слов, находящиеся в его оригинале, но и шт (вм. щ). Или писец Сборника XV в. (М. Общ. ист. и др.) в тексте книги Иисуса Сирахова употребил шт вм. щ и другие древние особенности, бывшие в его оригинале XI — XII в., между тем как в тексте других статей, списанных, очевидно, с менее древних оригиналов, ничего подобного у него нет. Или писец Златоуструя XV в. (Чуд. мон.) переписал из своего древнего оригинала шт (вм. щ).

Возьмем еще три примера. Евангелие 1339 г., написанное в Москве, имеет рядом с словами с а вм. о (см. стр. 85) некоторое количество слов с употребленным по-галицко-волински ѣ. Ясно, писец взял их из своего галицко-волинского оригинала. Известный Ипатский список летописи, при огромном числе случаев новгородской мены ц и ч и вообще при обилии новгородских особенностей, заключает в себе ряд случаев употребления у вм. в (у Смоленскѣ, унезапу и др.) и на оборот, небольшое количество случаев с галицко-волинским ѣ(учѣнье, извольѣнье и др.) и жч в дождь и т.п. Надо думать, что его писец Новгородец внес в свой текст многое из того, что было в его галицко-волинском оригинале и что для него самого было совершенно необычно. В сентябрьской книге Макарьевских Четых-Миней, написанной, если не в Москве, так в Новгороде, в тексте книг Иисуса Навина, Судей, Руфи встречаются псковские особенности: поднозѣ (= подножіе), възлеже (= възлѣзе), свѣши (3 л. ед. от свѣсити) и друг. И здесь, конечно, мы имеем дело с результатом механической работы писца.

Русские грамоты.

Большая часть того, что сказано об особенностях языка и орфографии написанных в России книг (церковно-славянских текстов русского извода), относится и к русским грамотам (на более или менее чистом русском языке).

Ни одна из русских грамот XII — XIV вв. не имеет ни **ѡ**, **ѡѡ**, ни **шт** (вместо **щ**), ни слов с церк.-слав. слогами **ра**, **ла**, **рѣ**, **лѣ** (за незначительными исключениями), ни слов с церк.-слав. **жд**, **щ** (также за незначительными исключениями), о которых упомянуто выше (**ѣ**).

Употребление **ѣ** и **ь** в середине слов, там, где в современном русском языке или не слышится никакого звука, или слышится **о** и **е**, известно древнейшим грамотам, хотя и в слабой степени. Так, в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. мы читаем: Мѣстиславъ, русьску землю, дѣржа (причастие), въ смѣрти, дѣлжѣни и др.

Смешанное употребление **ѣ** и **ь** с одной стороны, **о** и **е** (**ѣ**) с другой (см. выше, **ѣ**) находится в договоре Смоленска с Ригию 1229 г.: будѣте вѣдомъ (= будѣть ведомо), что былъ немирно, хольпъ, на берѣго (= берегъ), розгнѣвается князѣ (= князь), свободѣный человекъ (= свободный) и др. (очень часто). Мы с ним встречаемся изредка в грамотах XV и XVI вв. Так, галицкая грамота 1409 года имеет: пѣрьдъ насъ и пѣрьдъ землянъ, доброю волюю, нашую пѣчатюю и т.п. В северно-русской грамоте половины XVI в. А. Федотова-Чеховского, I, № 65) мы читаем: вели (мн. ч.) насъ негораздъ, въ Петровъ говѣйно, на Купальничъ недѣль (= недѣль), к рѣчекѣ и т.п.

Новгородское смешение букв **ц** и **ч** обычно в новгородских грамотах XII — XV вв. Так, в договоре Новгорода с тверским князем около 1265 г. мы находим: купѣина, на цѣмь (= на чемь), Заволодѣе, твоего отчя (= отца). Что до употребления **и** вместо **ѣ** и на оборот, то и оно известно этим грамотам. Так, в только что упомянутом договоре мы видим: Обонѣжане (жители Обонѣжья у озера Онега).

Об двинских особенностях сказано выше (стр. 84). Можно добавить, что до нас дошло около 30 двинских грамот XIV — XV вв., с большим количеством этих особенностей.

Псковские особенности почти не отражаются в единственной несомненно псковской грамоте XIV века; их нет и в так называемой Рядной Тешаты, писанной “Довмонтовым писцом”, по-видимому во Пскове в конце XIII в.

Галицкие грамоты второй половины XIV и первой половины XV веков (старшая 1359 года) имеют **ѣ** вместо **е** относительно редко; зато в них обычно употребление: **у** вм. **в** и на оборот: **у** вѣки, вѣ его брата (= **у**—); **у**, **ю** вм. **о**, **е**: Друздъ, Ларивунъ, пружвище, добровульно, на своємъ селѣ, на своѣй вотнинѣ; **и** вм. **ѣ**, и на оборот: лись, пасика, служи (дат. п. от слуга), панъ Миколаѣ (им. п.); **ы** вм. **и** и на оборот: грѣвна, Лоевьчъ (фамилия), синъ (= сынъ) и т.п. Галицких грамот на русском языке после половины XV века неизвестно.

Что до южно-русских грамот второй половины XIV века и следующих столетий, то они в большинстве случаев следуют, как за образцами, за западно-русскими грамотами того же времени, повторяя все их особенности. Впрочем в некоторых из них встречаются те черты, которые мы только что видели в галицких грамотах.

Из грамот, написанных в западной Руси, до нас дошло несколько смоленских и полоцких XII — XIV веков и ряд собственно западно-русских, выданных литовскими великими князьями и польскими королями во второй половине XIV века. В смоленских и полоцких грамотах самая яркая черта — употребление **у** вм. **в**; так, в смоленском договоре 1229 года мы видим: уздумаль (= взд—), **у** Ризѣ (= въ Ригѣ) и т.п. В собственно западно-русских грамотах XIV в., как и в многочисленных западно-русских грамотах XV — XVII веков, те же особенности, что и в западно-русских книгах (см. стр. 90), только более ярко и последовательно проведенные. Можно упомянуть, что во многих из них совсем или почти совсем отсутствует **ѣ** (вместо него **е**) и что все они изобилуют польскими словами и выражениями.

Московские грамоты XIV века отличаются бесцветностью своих данных. То же можно сказать о грамотах всей северо-восточной (московской) Руси XVI и XVII веков, московских и следующих за московскими, как за образцами. Лишь немногие из них (писанные малограмотными людьми) имеют местную окраску. Именно, в некоторых писанных в Новгородской области и на севере России мы встречаем употребление *и* вм. **ѣ** и на оборот; например, в грамоте 1588 года: въ новую миру (= мѣру), хлѣбъ (А. Юр.); в грамоте 1652 года: насѣно ржы (А. Кал. II). В некоторых писанных около Вологды мы находим формы твор. п. ед. женск. р. на *овъ* и *евъ*; например, в грамоте половины XVI века: въ межахъ съ монастырсковъ деревневъ съ Троецковъ (А. Фед.-Чех. I, 125). В некоторых писанных вблизи от Москвы мы замечаем употребление *а* вм. *о* и на оборот, *е*, *и* вм. *я*, *а* и на оборот; например, в грамоте из Муромского уезда 1636 года: проѣхана во все поля сохами, нехорошаму (дат, п.), отъ того жа вымола (А. Кал. III, 107).

Что до южно-славянского влияния то оно в языке и орфографии русских грамот XV — XVII веков почти незаметно. Даже *а* вм. *я* встречается редко. Только в великокняжеском и царском титуле московских государей XVI — XVII веков мы читаем постоянно: *всѣа* Руси; в других случаях *а* вм. *я* — редкость. Можно отметить в грамоте в. кн. Василия Ивановича 1516 г.: Василья, розбоа (род. п.); в грамоте 1534 г., писанной на севере: судѣа (постоянно); в грамоте 1536 г., писанной в Бежецке: Василья (род. п.), деревня Олексѣевскаа, деревня церковнаа, Успенье Пречистыа (А. Юр.). Об *рѣ* вм. *ор*, *ер* можно сказать, что эта особенность еще более редка. Мы отметили лишь в грамоте 1503 г.: дрѣжалъ (= держалъ), дрѣжатъ (А. Юр.). Других черт южно-славянской орфографии в русских грамотах нам совсем неизвестно.